

В десятку!

ВСЕ УЧРЕДИТЕЛИ ОРТ
ЗАРАБОТАЛИ СЕБЕ
ИМЕННО КРИМИНАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ.

Александр Политковский был в числе тех, с кем у самых широких слоев населения ассоциировалось слово «гласность». По пятничным вечерам, когда на телеэкране возникал знаменитый беспощадный глаз, преступность в стране и та затихала. «Взгляд» срывал все и всяческие маски. Листьев, Мукушев, Боровик, Политковский, Захаров, Любимов возглавляли любые рейтинги журналистской и шоу-менской популярности.

Стремительные завоевания стремительно и сдаются.

Куда все делось? Где отчаянная храбрость и всеобщая солидарность? Исчезновение с экрана программы Политковского «Политбюро» — при всех ее минусах, при всей спорности авторской позиции — стало новой приметой заблуждения. Мне не так уж важны убеждения Политковского: важна абсолютная искренность и последовательность, с которой он следует своим путем. Не левизна и даже не храбрость журналистов была приметой перестроечной прессы: приметой было само наличие убеждений и честность в их отстаивании. Именно эти качества создали Политковскому репутацию «друга народа». Знаменитая его кепка тоже была символом близости к народу. Как и знаменитая кухня, на которой он принимал гостей. В марте кухня была упразднена. Вернее, она жива-здорава, только Политковский заваривает свой чай уже не на глазах у страны. Время чая кончилось, Саша. Заваривается каша.

— Я плохо знаю вашу «довзглядовскую» биографию.

— Мой выпуск на журфаке — последний перед созданием международного отделения. Нас, выпускившихся в 1979 году, еще называли журналистами со знанием иностранного языка — я должен был работать на инновации. Мой творческий диплом — получасовой документальный фильм — назывался «Пейзаж под снегом», о картинах китайского художника XIV века. А потом меня пригласили в спортивную редакцию телевидения специалистом по восточным единоборствам: я полуподпольно, по тем временам, занимался каратэ.

— И до чего дозанимались?

— До коричневого пояса. В 1982 году после выступления Сергея Михалкова на сессии Верховного Совета каратэ оказалось под запретом, и я остался не у дел. Стал писать тексты для спортивных комментаторов программы «Время». Это, в общем, не мужская работа, и к восьмидесяти пятому она достала меня окончательно. Я собирался уйти в кино. Сагалаяев позвал меня в молодежную редакцию — сказал, что будет настоящая работа. Я мало смыслил в политике, даром что дружил со многими диссидентами, и так волновался, переходя на новую работу, что в заявлении о приеме сделал три орфографические ошибки. С них все и началось — сначала «Мир и молодежь», потом «12 этаж», потом «Взгляд».

— Ваши первые сюжеты прошли мимо меня — я был в армии и застал «Взгляд» уже в расцвете...

— А это были довольно знаменитые сюжеты: я начал с того, что шил спортивные шапочки из индийского нижнего белья. Писал на них «Look» — хотя надо было бы «Eye» — и продавал в два раза дешевле, чем кооператоры. Я сразу начал с сюжетов, что называется, из гущи жизни. Вообще в чем было своеобразие позиции? Вот есть такой Зорин, политический обозреватель, рассказывающий, как у них там все плохо. Это маска человека, который знает все. А я — противоположный персонаж, я как бы ни фига не знаю и вместе с дорогими зрителями пытаюсь разобраться. Мы поначалу очень оттягивались: я рассказывал, например, об авангардных художниках, стоя на голове. Потом, после Чернобыля, программа посерьезнела, я несколько раз лазил на четвертый энергоблок... В общем, ниша «человека изнутри». Все пробует на себе и выезжает вместе со зрителем. Я не политик и не аналитик. Я постигаю жизнь интуитивно, как большинство сограждан. В этом, по моему, отличие «Политбюро» от других публицистических программ.

— О чем вы еще собирались говорить в «Политбюро»?

— О льготах — на примере «афганцев». О потере иммунитета к фашизму. О коррупции в милиции. О типе государства, которое мы все-таки строим — об этом пока никто толком не знает. Оперативные съемки действий ОМОНа. Чечня. Процент старых советских среди новых русских — о тех путях, которыми создавались первые новые состояния...

— Как вообще получилось, что народ вас безоговорочно признал своим заступником? Почему вы с ним так совпали?

— А я ничего не делал для этого. Мне не нужно притворяться своим: моя мать — преподаватель музыки в совхозе «Заречье». «Грудное детство, деревянные игрушки». Это не поза, я человек из толпы.

— Почему «Политбюро» исчезло так внезапно, без объяснения причин?

— Причин я и сам не знаю. О том, что руководство ОРТ не находит для программы места на своем канале, я узнал еще при жизни Влада, но связаться с ним не успел. Последний подготовленный мною выпуск был о самоубийстве — от частного случая суицида к некоторому обобщению о самоубийстве всей страны. Программа должна была выйти почти сразу после гибели Влада, но выглядела некорректной в том контексте. Я срочно сделал программу, посвященную памяти Листьева: это был рассказ о следствии и беседа с Юрием Шекохихиным, который ведет журналистское расследование. Хотя в журналистские расследования этого дела не очень верю.

— Гибель Влада была для вас полной неожиданностью?

— Нет. Я предупреждал его, что он вступает на минное поле. Владельцы ОРТ — это тот уровень бизнеса, где криминал неизбежен. Надо трезво признать: сегодня на первом канале мы имеем дело с совсем другим телевидением.

— Ну, на мой-то взгляд, вся новизна ограничилась перераспределением собственности. Содержание поменялось мало...

— Не скажите. Мы смотрим телевизор ежедневно, а вот Женя Альбац, журналистка, полгода прожившая в Штатах, вернулась и ужаснулась. Это телевидение сугубо обывательское, деградировавшее, скучное. Те, кто занимается ОРТ — в подавляющем своем большинстве непрофессионалы, что в политике, что в телевидении. Все учредители ОРТ заработали себе именно криминальный капитал. Это касается и Березовского, и «Олби», и «Менатеп», и Фонда защиты спортсменов: о каждом можно снимать отдельное «Политбюро». Все это люди сытые, обладающие изрядными суммами, и суммы упрятаны так, что не докопается ни одна налоговая инспекция. А сытые люди во все времена хотят только одного: чтобы все осталось как есть. Болото? — пусть болото, тем лучше. Лишь бы ничего не менялось. Жириновского боятся не потому, что он угрожает фашизацией страны, а потому, что его приход сулит передел собственности. Люди, обладающие реальными деньгами и властью, не хотят никаких перемен: в свое время они получили возможность подняться. Пусть криминальным путем, пусть с долей риска — но им эту возможность дали. Они ее не дадут никому. Попробуй сейчас какой-нибудь человек открыть свой кооператив а-ля восьмидесятый год, да? Начать свое дело, не обладая прочнейшей крышей? Поставить палатку? В свое время я много сделал для того,

чтобы вывести на политическую арену того же Артема Тарасова, еще каких-то людей... Сегодня я ни за что бы этого не сделал! Палец о палец не ударил бы.

Жизнь остановилась опять. Гласность кончилась не потому, что выдохлась. Естественно, не может вечно выходить такая программа, как «Взгляд», не могут казаться свежие «Московские новости» становиться прорывом в очередную кремлевскую тайну. Исчезает сенсационность, но свобода печати в идеале никуда не девается — у нас же она исчезла совершенно, я сделал об этом одну из программ «Политбюро». Сферы влияния поделены. Пресса прикормлена или куплена — иначе ей не выжить. То, что сегодня называют стабилизацией — на самом деле упорочение криминализации. И только.

— А вам не кажется, что народ гораздо охотнее мирится с криминализацией, чем со свободой?

— Он ее мало видел, свободы. Московская тусовка плохо себе представляет, как живут в Костроме. А там очень плохо живут. И вряд ли вникать в эту свободу. При свободе есть надежда на справедливость, на улучшение жизни, на равные права... При криминализации есть только новый застой: как бы чего не ушло в чужие руки.

Я думаю, что сегодня страна намертво зафиксирована в своем положении.

— Хорошо, я спрошу иначе: у вас нет чувства, что вы вредны Отечеству?

— А вот это чувство есть, потому что моя биография к этому чувству меня грамотно подводит. В девяносто первом закрыли «Взгляд», в октябре девяносто третьего мы оказались виновны во всех смертных грехах после своего ночного телеобращения с Шаболовки, сейчас мне не нашлось места на ОРТ. Вредность моя в том, что я сам по себе и ничьи убеждений, кроме собственных, не выражаю. Могу себе позволить эту роскошь, потому что работаю в структуре, которую сам же помогал создавать. «Вид» меня защитит, я не нуждаюсь в деньгах, могу жить на доходы от своего участия в совете его директоров — в общем, мне не обязательно к кому-то примыкать. Такие люди, я думаю, вредны по определению. — Вы сами упомянули октябрь девяносто третьего. Я не собираюсь трогать эту тему, потому что тогда полерся на Тверскую, изображал там свободу на баррикадах, — не ради спасения страны, как вы понимаете, а ради самоуважения. Но вас-то что заставило сказать тогда то, что вы с Любимовым сказали? Вы не пересмотрели свою тогдашнюю позицию?

— Никким образом. Есть государство, у него есть силовые структуры. Их дело — останавливать бунт. Нечего подставлять под гусеницы и пули мирных жителей.

Я болел тогда, сидел дома. Мне позвонил Саша Любимов: приезжай. Не могу, говорю, у меня температура. А ты выпей стакан водки, говорит он, и приезжай. Я выпил этот стакан, сел в свою машину и поехал — и в связи с выпитым стаканом меня, естественно, интересовал вопрос о количестве милиции в городе. Едучи до Шаболовки, я не встретил ни одного милиционера! Ни одного! Где они все были? Что это, как не провокация? Нормальная крупномасштабная провокация, что Наташа Геворкян очень убедительно доказала тогда же в «Московских новостях». Одно то, что всем им дали спокойно доехать до «Останкино» и устроить весь этот штурм, — классическая схема ловушки. Геворкян проводила там мысль о том, что виноваты обе стороны. А мы ее высказывали еще до событий: у меня в эфире были Явлинский, Гончар, и оба они говорили, что всем нужна кровь, все ждут ее. Ничего, кроме этого, я тогда не сказал. Гораздо резче и убедительнее меня выступал, например, Ворошилов. Общ. смысл его слов был такой: у нас есть президент, он должен исполнять свои обязанности, а почему он их не исполняет — мне лично непонятно. От чего тут отказываться, в чем казаться? Тогдашняя волна «народного гнева», которая якобы обрушилась, — поразила меня своей фальшью: при встречах и по телефону говорят одно, пишут в газетах совершенно другое... Нас с Любимовым вывели для порки именно потому, что мы были депутатами того самого Верховного Совета. И я понимал, что это плохой Верховный Совет. Мне было стыдно за него, хотя я работал в группе Ковалева. Но надо называть вещи своими именами: в октябре произошел переворот. Предопределенный обкомовским образом мышления Ельцина.

— И когда вы начали догадываться о том, что у него такой образ мышления?

— Почти сразу после августа девяносто первого. Когда он не уволил никого из тогдашней кремлевской охраны.

В октябре решался вопрос только о собственности. Что, Хасбулатов или Рудкой были коммунистами? — да ничего подобного! И я не знаю, кто вызывает у меня сейчас большие опасения — оппозиция или власть. Власть готова на все, чтобы остаться наверху. Вплоть до кровопролития. Она только не учитывает при этом, что своими действиями запросто может спровоцировать настоящий переворот. И тогда нынешние хозяева страны не успеют доехать до Шереметьево, хотя так надеются на свою расторопность. Ведь у большинства из них уже есть иностранное гражданство.

— У кого конкретно и какое?

— Одно дело — знать, другое — доказывать с документами в руках. Я с армейских времен знаю, что в тумбочке хранить ничего нельзя.

— Вы держите весь компромат в голове?

— Во всяком случае, чемоданчиков не собираю. Есть, впрочем, одно место, где кое-какие документы хранятся. Меня теперь не волнуют разоблачения — они заведомо безрезультатны, — оппозиция или власть. Я должен знать ее, чтобы правильно ориентироваться. Полезно на случай интервью знать о собеседнике больше, чем ему бы хотелось.

— «Взглядовцев» страшно разметало — в том числе и по всему спектру политических убеждений. В добрых отношениях со всеми коллегами и с гигантской аудиторией умудрились остаться один Листьев. В чем, по-вашему, его феномен?

— Ну, Влад был совсем другой человек. Он был конформист — в лучшем и высшем смысле этого слова. Я вообще не против конформизма. Он гениально придумывал программы, обреченные на массовый успех, — и скоро к ним охладевал, потому что шел дальше. Борьба, противостояния, политика — все это абсолютно не для него.

— А вы с годами не нажили конформизма?

— Я — нет. Это не хорошо и не плохо. Я человек тяжелый.

— Мы вас увидим где-то после закрытия «Политбюро»?

— Ну, во-первых, проект «Политбюро» я не считаю законченным. ОРТ, я думаю, рухнет в самом скором времени. Люди, которые им владеют, делают для этого все возможное. А на шестом канале, у Сагалаяева, я делаю проект под предполагаемым названием «Территория ТВ-6». Это избранные программы регионального телевидения — жизнь на местах. Подлинная жизнь страны. Правда, сам я на экране там появляться не буду. Тщеславие мое не таково, чтобы во что бы то ни стало светиться лично.

— На ОРТ вы в эфир не выйдете?

— Нет. Это моя личная позиция, не совпадающая, скажем, с любимовской. Но в этом и есть суть, зерно «ВиДа»: мы не обязаны соглашаться.

— А возродить «Взгляд» вы не пытаетесь?

— Такая идея была — после гибели Влада. Но на призыв Любимова почти никто из прежних «взглядовцев» не откликнулся. Мы живем в другом времени, другой жизнью, что же прятаться от этого...

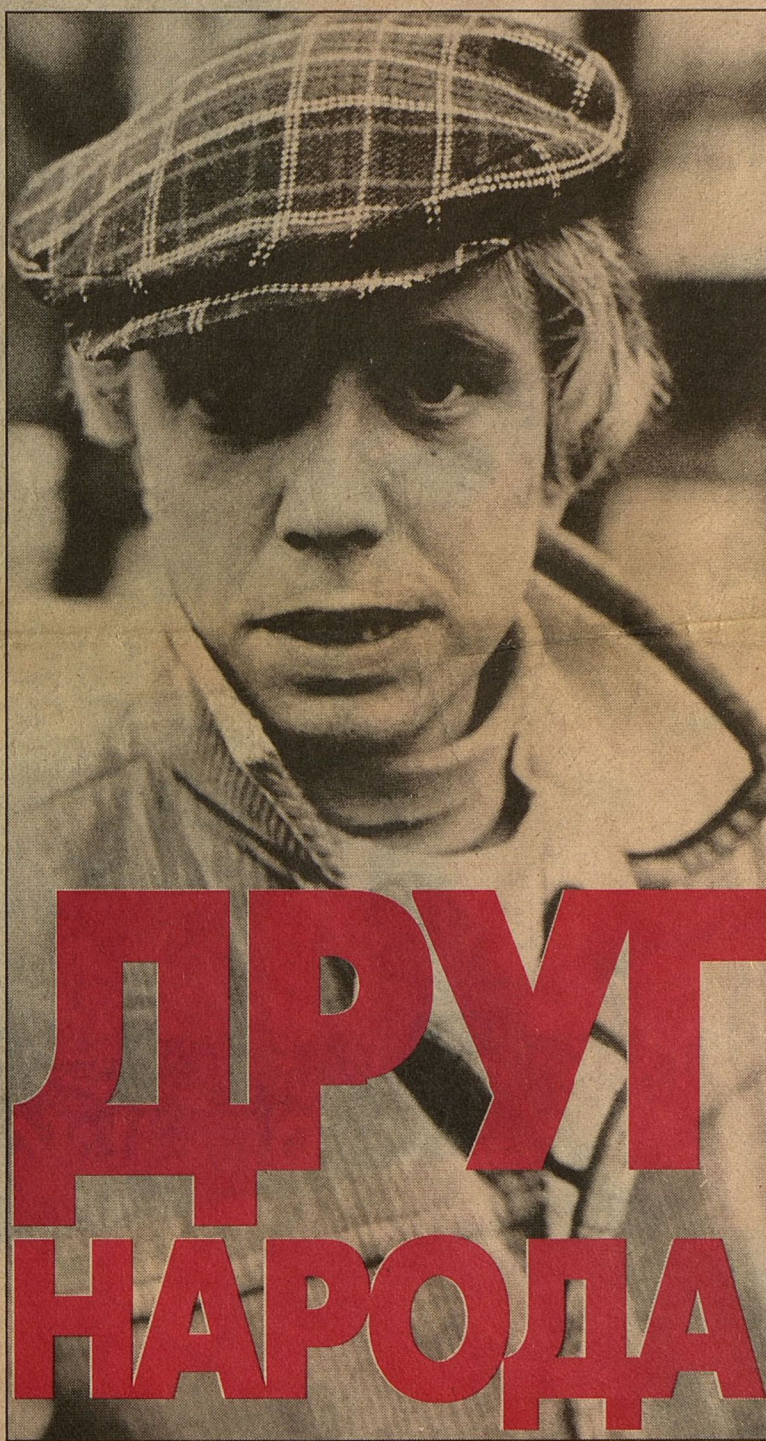
— Вы еще занимаетесь каратэ?

— Нет, из всех видов спорта мне теперь нравится только рыбалка.

— Какая именно?

— Мне хорошо удаются все способы. Кроме динамита.

ДМИТРИЙ БЫКОВ.

Когда-то они были вместе... Александр Политковский в кругу своих друзей и коллег по 1-му каналу «Останкино»